

ПРОСТРАНСТВО ДЕБЮТА

Что такое литературный дебют? Многие думают, что первая публикация. Но нет. Первая публикация — факт пока только биографический, не литературный; здесь не хватает главного — обратной связи. Дебютанту всегда нужен отклик. Он его даже не ждет. Жаждет! Отклик звучит, обратная связь установлена, и только теперь можно сказать, состоялся дебют или нет, какова его эффективность, каков процент его КПД.

Владиславу Лецику с дебютом не очень-то повезло. Первый полнозвучный отклик его творчество получило в 1979 году, когда в журнале «Литературная учеба» появился рассказ «Раз на раз не приходится» и здесь же — в подборку — отзыв и «разбор» Ю. Томашевского. Герой рассказа Аркаша показан в момент самоутверждения: он умеет косить и хочет показать это свое умение, чтобы «зауважали». Эта корысть как раз все и портит: дело не клеится, над Аркашей смеются, он душевно страдает. А наутро, уже не думая ни о чем другом, кроме как о любимой работе, герой вместо сомнительного постороннего «уважения» обретает минуту настоящего счастья и воистину самоутверждается — то есть утверждает сам в себе — естественно и бескорыстно.

Критик похвалил молодого автора за уверенное знание предмета, о котором он пишет, сказал еще несколько теплых общих слов и тут же (следуя, видимо, учебному назначению журнала) преподал урок: «Так или иначе, но факт: острые углы В. Лецик обходит». В чем тут дело? А очень просто. В самом первом абзаце, представляя героя (по профессии он шофер), автор вскользь, к слову, помянул несладкую жизнь шофера: плохие дороги, нет запчастей и тому подобное... «Вот об этом и надо было писать! — восклицает Ю. Томашевский. — О запчастях, о бездорожье!» И выражает надежду, что в будущем Лецик станет поднимать проблематику жизни, «не только о человеке, каков он есть, будет писать». Словно неведомо критику, что вся проблематика жизни как раз и отражается в человеке — «каков он есть», — надо только правдиво и полно изобразить такого человека.

Так или иначе, но упрек в обхождении острых углов жизни Лецик, как говорится, схлопотал. Обратная связь, установленная Ю. Томашевским, предполагала ответное творческое действие (либо противодействие) со стороны молодого прозаика. И ответ не заставил себя долго ждать.

В литературно-художественном сборнике «Приамурье мое — 1983» напечатана повесть В. Лецика «Пара лапчатых унтов». Все предыдущие публикации похожи на долгий подход к этой повести, на пробу, разбег. Особенно показателен в этом смысле «деревенский детектив» шестилетней давности (альманах «Приамурье мое — 1977»). «Дед Бянкин — частный сыщик» — так называлась эта забавная история. Автор

первые показал нам таежный поселок Балыктак, познакомил с героями, которых затем, уже в новых сюжетах, как бы тасует — одних освещает лучом фонаря, других убирает в тень либо вовсе за кулисы сюжета. Дед Бянкин из главного героя детективной истории превращается во второстепенную фигуру, юмористически оттеняющую страдания Аркаши в рассказе «Раз на раз не приходится»; мелькнувший в детективном сюжете бульдозерист Семи Яшур передвигается в самый центр рассказа «Петух с глушителем»; здесь же встретили мы и Козлова, начальника драги, и драгера Пасюру, и еще кое-кого из старых знакомых — жителей Балыктака. Среди этих фигур есть три особенно примечательные: Пашка Письменчук, Толик с Брянской области и охотник-якут Захар Рубахин. Примечательны они тем, что именно из этих персонажей Лецик составил сюжетный треугольник повести «Пара лапчатых унтов», своего главного пока произведения.

Владислав Лецик три года работал в госпромхозе штатным охотником. Помня этот факт биографии Лецика и наблюдая в повести за Пашкиной охотой, невольно с уважением думаешь о том, что и автор вот так же месил снег и грязь на промысловой тропе, мерз в палатке, мок в полынье, путался в звериных следах, ругал неумеху собаку и себя неумеху, пока не стал настоящим, умелым охотником, что он так же, как Пашка, вдруг останавливался и затаивал, пораженный красотой заснеженного дерева или пичьею оперения. «А соболю в олень, а глухарю?.. Звери, птицы — все красивые...» Страницы повести, посвященные охоте, пронизанные морозом и солнцем, азартом погоны восторгом удачи, — эти страницы могли бы, пожалуй, составить основу хорошего лирического рассказа. Но Владислав Лецик идет дальше и глубже.

Образ Пашки нужен автору не только затем, чтобы излить с его помощью свои таежные мемуары. Этому шустрому пареньку, начитавшемуся книжек про индейцев, про Дерсу Узала и Улукиткана, автор доверяет нести самую трудную и ответственную ношу: он дает Пашке право говорить за себя, выражать его, авторскую, позицию. В каждом эпизоде повести, когда происходит столкновение житейских принципов, мировоззрений, Пашка выступает как полномочный его представитель и в конце концов становится рупором, через который автор объявляет свою главную, заветную истину. Но об этом чуть ниже.

Образ Толика с Брянской области — безусловная авторская удача. В этом типе Владислав Лецик собрал все свое презрение к новому обывателю с его философией вещизма. Эту философию, эту новую мешанскую религию исповедуют в повести немало ее персонажей — есть там и Крюковы, и Данилины, и другие мелководные, откровенно блаженствующие потребители, у которых, выражаясь по Чехову, во рту копейка, — по отношению к ним автор не скрывает своей стопроцентной, бескомпромиссной ненависти. Отношение к Толику иное, с примесью жалости, точнее говоря,

сожаления. Толик не адепт, не деятель вещизма. Он жертва. Деньги и вещи интересуют его лишь как средство для достижения цели: стать таким, «как все нормальные люди». Он для того и приехал сюда, в дальневосточный Балыктак, из своей Брянской области, только о том и мечтает здесь, чтобы вернуться в родные края «нормальным» человеком: «Вот приеду туда, да как сотнягами пошестею, да в унтах как прошвырнуся по улице... Отду дубленку, бабке шаль пуховую... Брату, сестре, племянсам — всем подаркам! Денег с собой привезу — тыш пять! Сам в шубе волчьей, в шапке рысей, победитель судьбы!»

Захар Рубахин охотник, старый якут. Чтобы уяснить роль этого персонажа, достаточно привести слова Пашки о нем: «Я, когда Захара узнал поближе, аж обалдел: Улукиткан, думаю, самый настоящий!»

За что любил и ценил своих славных спутников В. Арсеньев и Г. Федосеев? Дерсу Узала восхищал Арсеньева искренностью и мудрой простотой, в которых не было и не могло быть фальши, самой микроскопически корыстной недосказанности; такая же мысль звучит в книге Федосеева об Улукиткане. Эти два лесных человека жили в тайге, подчиняясь закону искренней правды, их самая главная заповедь была: не навреди тайге, природе, а значит, и себе, потому что и человек, и дерево, и зверь, и река, небо, ветер — это все «люди», равноправные в своем существовании.

Захар Рубахин тоже лесной, кочевой человек, тоже знает законы тайги и старается их соблюдать. Именно старается, именно заставляет себя соблюдать их, потому что одновременно с этим от него требуют соблюдения других «законов», которые основаны вроде бы на принципе взаимного уважения, а на самом деле коротко и ясно выражаются словами Толика с Брянской области: «Если ты мне унты заделаешь, я тебе... Я тебе тоже чо-нибудь заделаю!» Руками Захара сделаны злополучные лапчатые унты — главный символ вещизма в повести, и в этом факте виден намек на скрытую вину старого якута, на его неумышленное, вынужденное, а все же соучастие в процветании модного человеческого заблуждения.

В образе мыслей, в поведении, в самой судьбе старого якута вечный природный закон таежных людей вступает в непримиримое противоречие с «законом» человеческого «взаимного уважения». Захар вынужден то и дело нарушать священные заповеди, чтобы «уважить» человека, ради ответного к себе уважения, выраженного уже не в старых, этически вечных ценностях всеобщего таежного братства, а, так сказать, в новых деньгах, чисто материально.

Что же из этого следует? А то, что Пашка однажды пронесит такие слова: «Те книжки не врут, такие они и были на самом деле, и Дерсу, и Улукиткан. И Захар такой же был! Когда-то! А теперь...»

Вот такую случающуюся подчас метаморфозу некоторых таежных людей первым отметил, быть может, Вампилов,

Вспомните Илью Еремеева из «Чулимска» — тоже старый якут, тоже охотник, бедолага, протак, горький пьяница. Он далеко не главное действующее лицо, и вообще тема пьесы другая, поэтому Вампилов лишь «художественно обозначил» невеселый факт нашей жизни, не вдаваясь в подробности и не углубляясь в причины, а Владислав Лейка в своей повести более резок. Кубанул, правда, с плеча, расшвыривая, как щепки, возможные нюансы — в результате авторский вывод слишком уж однозначен, прост. Если привести все к общему знаменателю, то этот вывод содержится в словах Григория Авдеева, будущего Пашкиного тестя: «Люdiam роскошь подавай, такие времена настали, едри его в корень».

И здесь-то, в этот самый момент, рождается авторская надежда, тоже простая и логичная, как шахматный ход. Ведь если Данилиных, Крюковых и прочих поставить на место, если лишить их ореола «правильных людей», если все начнет уважать правила истинные, а не ложные и будут по этим истинным правилам жить, тогда и Толик с Бранской области захочет стать как все, и Захар Рубахин вздохнет с облегчением: никого не надо «уваживать», незачем продавать свою совесть за мнимое уважение.

Перспектива хорошая, но спросим и мы: как же так Владислав Лейка будет ломать установившиеся правила, ставить на место Данилина и лишать его ореола? Но автор ждал от нас этого сомнения, он готов отвечать. Устами Пашки он произносит свою заветную правду: «Иной, наверное, думает: ну я, слава богу, не такой, я жапаю чуть-чуть... Я средненький! Так, нет? — Пашка вскочил и, тыча пальцем Толику в нос, заорал: — Но злыдней-то мало! А средненьких много! Почему про них не пишут? Отчего их столько развелось? Что делать? Медведь большой, саранча маленькая, а кто страшнее?.. Почему не пишут?»

Можно позвать руку молодому писателю. Он попал в болевую точку того, о чем сейчас затевается у нас всенародный прямой разговор. Собственно, возглас Лейки «почему не пишут?» уже несколько подустарел, о чем говорит, кстати, и явно публицистический крен его собственной повести.

И тут разговор наш сам собой переходит на тему о качестве, то есть о мастерстве. Будем искать ответ на второй законный вопрос к дебютанту: насколько хорошо овладел он инструментами своего ремесла и какие инструменты предпочитает?

Конечно же, он был прав, когда думал, что прямое и резкое слово в типичном случае действует эффективнее, элементарно быстрее, чем сложное художественное обобщение, именно в силу своей прямоты в полной досказанности. Но излишек пуб-

лицистичности способен внести заметный изъян в живую ткань художественного повествования.

Говоря об инструментах и средствах ремесла, можно бы, кажется, приветствовать патристическую верность Лейки своему Бальктаку, прямо-таки фольклеровскую оседлость автора в этом поселке и его окрестностях, если бы эта оседлость не свидетельствовала также и о довольно простом способе, какой использует молодой прозаик для создания самых разнообразных сюжетов. Он полноправный хозяин своего Бальктака, владелец всех его жителей, домов, заборов, охотничьих троп и так далее; все это как бы уложено в большую коробку, и коробка всегда под рукой. Нужно Лейкику оформить сюжет — уверенной рукой достает из коробки мужчину, женщину, собаку, мотоциклы и самосвалы, ставит привычные декорации и начинает священнодействовать словом. Сюжет исчерпан — фигурки возвращаются в коробку до следующего раза. Между тем известно, что настоящая высокая литература отличается той достоверностью, когда текст живет живой жизнью: типичные герои не иллюстрируют публицистически актуальные идеи и мысли, а действуют в созданных автором типичных обстоятельствах непринужденно и вольно, а значит, и публицистически разоблачительно, если того требуют обстоятельства.

Может, это слишком уж строгое требование к молодому литератору? Упреки в публицистической прямолинейности звучат порой даже в адрес опытных авторов — почитайте полемiku в «Литгазете» или во всеозных толстых журналах... Но разве не высокая требовательность является самым действенным средством во всех видах воспитания и самовоспитания?

Эффективность дебюта прямо пропорциональна его пространству, а пространство немислимо без открытого горизонта, за которым ждет нас новая встреча с теперью уже старым знакомым, и хочется, чтобы надежды нас не обманули. Перспектива дебюта — это вера, наша вера в талант и вера таланта в себя.

Леонид Леонов, напутствуя молодых литераторов, сравнил их работу с добыванием нефти из-под земли. Первая повесть бывает похожа на мощный фонтан, забивший из самого верхнего слоя, где залегают воспоминания детства, впечатления о любимой работе, суждения о людях, рядом с которыми живешь. Но запасы поверхностного сырья очень скоро кончаются, и надо бурить уже глубже, а главное — «изобретать машины, чтобы достать эту нефть и пустить в дело».

Хватит ли у Лейки изобретательности, смелости, чутья, мастерства, чтобы придумать и построить такую машину? Будем надеяться: хватит.

И. ЛИТВИНЕНКО.